

**АЛЕКСАНДР
НЕГРУБИН**

ПОРТРЕТ
АННЫ

Александр Негрубин

Портрет Анны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010653

ISBN 9785447462857

Аннотация

Сегодня, когда словесность наша мертва, когда поэзия отсохла и истлела, а беллетристика источает зловоние, – сегодня нам в пору взглянуть на самих себя. Мы живем как ни в чем не бывало – так же, как жили при Данте, при Шекспире. Так жили при Эйзенштейне и при Довженко... Мы и не заметили вовсе, как потеряли, может быть, самую главную из наших способностей: способность к языку, способность к слову. Отыщем ли мы то, что потеряно? Пожалуй, поиски стоит продолжить, не думая об успехе.

В. Хохряков

Содержание

I	5
II	10
III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Портрет Анны Александр Негрубин

*Что делает историю? – Тела. Искусство? –
Обезглавленное тело...
И. Бродский*

© Александр Негрубин, 2016

© Екатерина Леонидовна Легостаева, дизайн обложки, 2016

Редактор Василий Васильевич Андрианов

Корректор Ольга Игоревна Новожилова

ISBN 978-5-4474-6285-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Он поднял воротник и утонул в куртке. Тусклый фонарь освещал полутемную улицу, все еще мокрую после дождя. Он шел в раздумьях, вспоминая об утреннем разговоре. Предложение, которое ему сделала незнакомая женщина, было вполне понятным и даже интересным, но сомнения продолжали тревожить его, и он никак не мог отделаться от мысли, что эта работа ничем хорошим не закончится.

Поднявшись на третий этаж на старом скрипучем лифте, он немного постоял у двери, не спеша повернул ключ и прошел внутрь, разглядывая свои руки. Мозоли от инструментов и кистей расползлись по его пальцам, кожа стала твердой и грубой, не смытые остатки растворителя уже начали разъедать ногти. Он нахмурился, снял ботинки и ловко запрыгнул на диван. Кати еще не было дома, поэтому он широко развалился, зная, что она не смотрит на него, закрыл глаза и снова почувствовал, как волнение охватывает его. Она казалась чуть моложе своих лет, имя Маргарита поразительно подходило к ее образу: бледная кожа, сосредоточенный взгляд, слегка приподнятые плечи и светлые волосы, небрежно прикрывавшие лопатки, маленькая круглая грудь, стянутая рубашкой, и длинная юбка, спрятавшая стройные ноги, – вот все, что он знал о ней. И тем более странным казалось ему, что она пришла без звонка, представилась и сра-

зу же попросила не задавать личных вопросов. Он вынужден был согласиться, потому что чувствовал, как она решительно настроена, ощущал, что она старше и умело пользуется этим, хотя и нельзя было точно сказать, было ли ей тридцать пять или сорок пять, в глазах отсутствовал отпечаток времени, по которому он всегда очень точно определял возраст человека. С ее слов, она узнала о нем от их общего приятеля, вечного студента, до сих пор пытавшегося безуспешно закончить Академию. Это знакомство никогда не радовало его, он бы и не вспомнил об этом неудачнике, если бы не Маргарита. Она видела несколько его работ и слышала, что он увлекся боди-артом, именно поэтому она оказалась в его квартире. Он показал несколько фотографий, пару холстов, стоявших прислоненными к стене, собирался рассказать о других работах, но она прервала его, сказав, что ей и так понятно, как он пишет, оставила визитку и сообщила, что позвонит на днях.

Он устало прилег, повернулся на бок, мысленно прокрутил еще раз их встречу и постепенно стал проваливаться в сон, отдаляясь от мыслей и звуков, проникавших через приоткрытое окно, как вдруг холодная рука прикоснулась к шее и осторожно щипнула его за ухо.

– Так я и знала, что ты уже спишь, – разочарованно сказала Катя. – Сегодня Женич ждет нас у себя, а ты дрыхнешь.

– Что там у него? – сквозь сон спросил он.

– Как что? – удивилась она. – Он же пригласил сегодня моделей, будет работать с ними и покажет свои рисунки.

– Фуфло, а не искусство, – вяло произнес он.

– Сам ты фуфло, – обиделась Катя. – Между прочим, он поуспешнее тебя будет, что и говорить.

– Рад за него, но я хочу спать. Ничего нового я там не увижу.

– Ну пошли, пожалуйста, – сдалась Катя.

– Зачем куда-то идти, чтобы умереть со скуки, когда это можно сделать у себя дома на теплом диване?

– Там не бывает скучно, и ты это прекрасно знаешь, – настаивала она. – И потом, мы давно не виделись.

– Похоже, ты не отстанешь от меня.

– Вообще-то Женич твой друг, а не мой.

– Но пригласил тебя он. Хорошо, я встану, иначе этот вынос мозга никогда не закончится.

– Пора бы уже нам что-то менять, – отвернувшись, сказала Катя, но он ответил молчанием. – Когда мы с ребятами снимали квартиру, все было гораздо лучше, а с тех пор, как я переехала к тебе, ты очень изменился.

– Может, ты стала просто наблюдательнее?

– Не знаю.

– Все будет в порядке, – жизнерадостно произнес он, поверив на мгновение в собственные слова.

– Я говорю себе это каждый день, но не помогает, – тихо сказала она, надеясь, что он не услышит.

Он снова промолчал, не желая углубляться в выяснение

отношений, зная, что все закончится тем, чем заканчивалось и раньше – она хлопнет дверью и закроется в комнате, он включит громко музыку, сожмет кулаки и будет ненавидеть ее, пока не наступит утро, она не переберется к нему в кровать и не начнет гладить его спину, целовать шею и поглаживать коленом бедра, готовясь полностью завладеть им. Вместо этого он заварил крепкий кофе и рассказал несколько незначительных новостей, которые слышал от своих однокурсников. Утренний разговор все еще беспокоил его, и он не сумел сдержаться, описал их встречу с Маргаритой. Катя сделала вид, что она не слушает, но как только они вышли из дома, тут же стала выяснять мельчайшие подробности их разговора.

– Странно, – с недоумением в голосе сказала Катя. – Она явно что-то скрывает, может быть, вообще лучше отказаться от этой затеи?

– У меня мало заказов, а тут еще неплохие деньги, – ответил он. – В конце концов, какое мне дело, как она будет дальше распоряжаться моей работой? Я сделаю то, о чем она просит, и забуду.

– Тебе виднее, – протянула она. – Но знай, я предупреждала.

Он кивнул ей как маленькому ребенку и улыбнулся. – Вот сейчас она скажет еще какую-нибудь глупость, а мне придется объяснять или делать вид, что я согласен, хотя это совсем не так, – подумал он, сжимая носовой платок в кармане.

Они прошли по Разъезжей и перебрались на Рубинштейна. Небо окончательно затянуло облаками. Катя повисла на его руке, стараясь прижаться к нему плотнее.

– Ничего нет кроме прерывающихся действий, никаких ценностей, никакого абсолюта, только прием пищи и испражнения, – вяло размышлял он.

– Пойдем быстрее, холодно, – прервала его Катя.

– Мы уже почти пришли, вот этот двор, – указал он рукой на темную арку.

– Все равно давай добежим, а то я уже ног не чувствую.

Они пронеслись последние метры до парадной и скрылись за металлической дверью.

II

Съемная мансарда была полна голых тел. Упругие и дряблые, они были покрыты яркими красками, переливающимися под светом подвешенных ламп. Квартира, превращенная в мастерскую, была защищена толстыми стенами и покатой крышей, в которой виднелись миниатюрные окна. Плетеные стулья в жирных пятнах разбавителя и красок, облупленные консоли, огрызки мелков, карандаши и кисти, разбросанные повсеместно, смешались с бешеными ритмами, разрывающими колонки, стоявшие по углам. У двери одна из моделей подмигнула Илье, обнажив пушистый треугольник, спрятанный между бедер. На мгновение ему захотелось оказаться здесь одному, без Кати, среди этих молодых разноцветных людей, совсем не боявшихся ни чужой, ни своей наготы.

Они прошли в прямоугольную гостиную, откуда постоянно выходили люди и тут же возвращались. Народа было столько, что они не смогли войти внутрь, остановившись у самой двери. В центре комнаты лежало толстое одеяло, на которое сверху были набросаны подушки. Две модели расположились по бокам, третья между ними принимала самые разнообразные позы. Вокруг стояло много фотографов и других моделей, ждущих своей очереди. Полная брюнетка изгибалась на проваленной подушке, изображая дикую тигрицу. Она плавно двигалась, упираясь локтями и коленями

в пол, вытягивала спину и напрягала мышцы рук и ног, ее кожа поразительно напоминала шерсть, издали казалось, что это уже не человек. Ее широкие бедра округлялись, когда она расслаблялась и перекачивалась на спину. Рядом с ней лежали замершие девушки в роли деревьев. Их сомкнутые ноги превратились в толстый ствол акации, покрытые редкой листвой ветки росли из живота в разные стороны. По команде одного из фотографов тигрица поднялась, показав всем свои спелые формы, вслед за ней встали деревья, и вспышки фотоаппаратов попеременно замелькали из разных частей гостиной, после чего следующие модели вышли в центр.

– Просто Крейг Трейси, – усмехнулся Илья, обращаясь к Кате.

– Какая красота, а ты говоришь. Где автор?

– Думаю, в одной из комнат заканчивает работу, – предположил он.

– Они такие стройные, эффектные, – восхищенно сказала Катя.

– Такие тела невозможно испортить, они сами по себе уже являются частью искусства, – добавил он. – Можно нарисовать посредственную картину, сделать никчемную татуировку, но природа все исправит, тело компенсирует недостатки техники и таланта художника.

– Именно поэтому ты не считаешь боди-арт полноценным искусством?

– Я этого никогда не говорил.

– Но ты так думаешь? – настойчиво

переспросила она.

– Нет, дело в другом. Перед тобой не пустой холст, условный ноль, от которого ведется отсчет, а уже готовое целое, которое нужно лишь умело подправить, довести до конца то, что уже начато до тебя. Тело дает тебе фору, понимаешь? – он задумчиво посмотрел на нее.

– Меня бы оно отвлекало, вряд ли я смогла бы концентрироваться на живописи при виде голой женщины, будь я мужчиной. Видимо, именно поэтому я и не художник. Давай найдем Женича.

– Зачем? – с недовольством спросил он. – Ты же сама говоришь, что тебе нравится здесь. Посмотрим другие работы.

– Я хочу увидеть, как он работает. Это интересно.

– Ну хорошо, пойдем поищем.

Он неохотно протиснулся сквозь напирющую из коридора толпу, взял ее за руку, и они пошли к дальней комнате, где, как он предполагал, работал сейчас Женич. Дверь была закрыта изнутри, приглушенная музыка проникала через щели дверного проема.

– Слышишь, винил играет? – обратился он к Кате.

– Такое шипение. Постучи.

Он трижды дотронулся костяшками до деревянной доски, скрепляющей расшатанную дверь, но никто не отвечал.

– Я тебе говорил, что лучше было остаться, он вряд ли откроет.

- Чем он там занимается?
- Не знаю. Рисует, наверное.

За дверью послышались голоса, один из них приблизился, щелкнул замок, и выглянула растрепанная шарообразная голова автора, похожая на перезрелый плод.

– А, это вы, – с заметным энтузиазмом произнес Женич. – Салют. Она сохнет пока, не заходите.

– Привет. Я все пропустила? – расстроилась Катя.

– Нет, после нее будет следующая. Кстати, хочешь стать холстом на ночь? Ведь никто не против из присутствующих? – Женич улыбочиво посмотрел на него.

– Валяй, – ответил он, замечая, как застеснялась Катя.

– Я не в форме сегодня, совсем не готова.

– Брось, это лучшее состояние, когда человек не готов, не ожидает, а значит, не проецирует себя. Половина приглашенных не представляли, что им придется раздеться и превратиться в картины на несколько часов. В этом суть такого искусства.

– Сырая реальность, – добавил Илья.

– Это импровизация, публичное искусство, которое принадлежит и художнику, и самой модели, она становится его частью. Подумай, – закончил Женич.

Он вышел в коридор и устало осмотрелся. Из гостиной по-прежнему доносились громкие, разбитые на кусочки сэмплов ритмичные звуки, смешанные с аплодисментами

и одобрительными выкриками. Он подозвал их в самый конец коридора.

– Ты выглядишь утомленным, – сказала Катя.

– Вторые сутки подряд работаю, не спал уже давно.

– Настоящий акционизм. Будешь писать, пока сознание не потеряешь? – спросил Илья.

– Посмотрим. Была бы камера, можно было бы обратить пристальное внимание на саморазрушение, а так просто не интересно, – улыбнувшись, ответил Женич. – Да и потом, модели тоже выматываются, требуют выполнять их капризы, ведь не всегда человеку нравится, когда его первичная собственность перестает ему принадлежать.

– Это ты о теле? – уточнила Катя.

– Да, именно о теле. Она отдает мне его на время, а потом все смывает и получает его обратно.

– Шварцкоглера из тебя не получится, – подметил Илья.

– И слава Богу, сейчас не шестидесятые, мы все еще слишком молоды, – встрепенулась Катя. – Я согласна, если у тебя хватит сил на меня.

– Ты пойдешь вне очереди, – рассмеялся Женич. – У меня уже есть идея.

– Модель-то еще сохнет? – иронично уточнил Илья.

– Вот иди и посмотри, – резко сказал Женич. – Там открыто.

Он аккуратно постучался, слегка толкнул дверь и вошел в комнату. В освещенном углу спиной к нему на левом боку

лежала женщина, упираясь рукой в стену. Половина ее спины была продолжением кирпичной кладки, другая половина состояла из черных квадратов, разделенных между собой тонкими белыми рамками. Он приблизился к ней, разглядывая свежую краску на изогнутых ногах. Она не слышала, как он вошел, смотрела полуприкрытыми глазами в пол. Он хотел поздороваться, чтобы она знала, что не одна в комнате, но не удержался и замер, разглядывая линию ее бедер и расщелину между ними. Она гипнотизировала его, мысленно он проникал внутрь, оказывался в глубине ее тела, изучал каждый ее нерв, содрогание, вздох. Ее крепкие ноги обвивали его шею, руки сжимали голову, а он продолжал впиваться в нее, оставаясь стоять на месте.

– Ну как? – послышался голос за спиной.

– Отлично, – машинально ответил Илья.

– Это все, что ты можешь сказать? – удивился Женич.

– Мне нужно время, чтобы сопоставить черный квадрат и кирпичную стену.

– Нулевое искусство, – вмешалась Катя. – Это отличная композиция, человек – продолжение вещи. Очень естественно.

Модель пошевелила пальцами ноги, но не сказала ни слова.

– Сейчас я приглашу сюда всех из гостиной, а потом займусь тобой, – сказал он Кате.

– Она специально молчит? – спросила Катя в дверях.

– Картина не может разговаривать, – ответил Илья вместо Женича.

На время они перебрались в коридор, пока Женич объяснял гостям и моделям, что будет происходить дальше.

– Я немного волнуюсь, – тихо сказала Катя.

– Тебя что-то смущает? – заботливо спросил Илья.

– Как сказать? Я совершенно не думала о том, что все произойдет так быстро, когда шла сюда. Я не раз видела, как позируют натурщицы, бывала на фестивалях, где не только наносят рисунки, но и шрамы, всегда наблюдала со стороны, а вот теперь должна стать частью процесса.

– Не боишься ли ты случайно толпы незнакомых людей, которые будут пристально на тебя смотреть?

– Я не знаю, скорее всего, новый опыт немного пугает, больше ничего.

– Смотри, чтобы Женич не слишком увлекся процессом, – иронично подметил он.

– Останься, если не доверяешь, – оскорбилась Катя.

– Нет уж, я не хочу вмешиваться в работу и отвлекать лишний раз Женича. Он жутко злится в такие моменты.

– А кто присмотрит за тобой? – недовольно спросила она.

– За мной нет смысла присматривать, я буду наблюдать и изучать.

– Как раз это и беспокоит меня больше всего.

– Не волнуйся! Мне нужно освоить композиционные приемы, почувствовать изменение цвета на теле,

прежде чем взяться за что-то подобное.

– Надеюсь, этим все и ограничится, – с недоверием произнесла она.

– Именно так, – спокойно сказал он и взял Катю за руку.

– Пошли, пошли, – торопливо пробормотал Женич. – Пока у меня еще есть силы, надо пользоваться моментом, – с деловой улыбкой добавил он и закрыл за собой дверь, пропустив вперед Катю.

Илья вернулся в гостиную, где кроме отдохавших моделей никого не было; все перешли в комнату, где у стены лежала свежая картина. Девушки смеялись и громко переговаривались, держа в руках по бутылке шампанского и не обращая внимания на него. Казалось, что стоит им одеться, как пройдет эта незаметная свобода, они станут снова теми, кем им привычно быть, такими, какими их делает общество и окружающая действительность. Одежда заменит краски, добавит статус и сделает из них подобие манекенов, потерявших свою индивидуальность. Он бесшумно сел на деревянный стул и начал осторожно рассматривать узкие плечи, лопатки, разрезающие кожу, низкий таз и линию талии, отделяющую две плоскости. Округлые ягодички, немного сдавленные, напряженные и расслабленные, принадлежали женским телам, он неустанно вглядывался в их формы, пытаясь поймать золотое сечение, единую пропорцию.

Совсем скоро обнаженные тела казались уже чем-то вполне естественным, они действовали на него умиротворяющее.

Он запоминал рельеф пропитанной краской кожи, мысленно менял экзотические прически. К счастью, они до сих пор сосредоточенно беседовали, не глядя на него, что позволяло избежать чувства беспокойства, мысли, что он получил даром нечто моральное и физическое, не показав, чего сам стоит. Его взгляд улавливал сразу всех, но, перемещаясь попеременно от одной детали к другой, останавливался на стоявшей чуть в стороне фигуре. Ее кожа, освещенная лампой, отливала блестящей бронзой рисунка, а там, где на нее падала тень, становилась матовой. Соски, впадины подмышек, скрывавшие мелкие острые волоски, небольшой шрам на правой ноге, недостаточно защищенный рисунком, небрежно спутанные, покрытые лаком волосы, и неопишущая хрупкость резко контрастировали с животным началом, которое он ощущал в себе, которое было и в ней. Неожиданно она повернулась вполоборота и беглым взглядом осмотрела его. Но он не отвел глаза в сторону, удивившись своей смелости.

– Вы художник? – небрежно бросила она.

– Да, – сказал он и виновато кивнул.

– Сразу видно, – добавила стоящая рядом девушка.

Они синхронно рассмеялись.

– Давно с натурой не рисовали? – сдавливая смех, спросила одна из девушек.

– За такой натурой мастера охотятся годами, – быстро нашелся он. – Мне повезло, хотя никто из вас еще не согласился.

– Мы должны знать, на что идем, – кокетливо вмешалась длинноногая блондинка.

– Раз вы здесь, то уже примерно представляете все опасности, которые поджидают вас в таких местах.

– Кто еще для кого опасен? – не унималась блондинка.

Он не ответил на последнюю реплику, раздумывая, как ему избавиться от лишних моделей и остаться с ней наедине. Между тем, толпа постепенно разбивалась на маленькие группы знакомых, друзей, приглашенных и случайных фотографов, занявших все проходы и углы. Гостиная снова наполнилась людьми, и он почувствовал, как быстро между ними выросла стена. Решив немного подождать, он откинулся на спинку стула и сделал вид, что ему скучно от всего, что происходит вокруг. Так было проще украдкой посматривать в ее сторону. Она продолжала активно вести беседу с новыми знакомыми, изредка отвлекаясь на фотографов, решивших напоследок сделать еще один снимок.

Он мог сидеть часами, поглощенный созерцанием, и ничто не отвлекало его кроме собственных мыслей. Было уже далеко за полночь, постепенно люди начали расходиться, допив остатки шампанского. Из моделей осталась лишь эта небольшая компания натурщиц, поглядывающих по очереди на часы. Часть из них уже была одета, остальные, будто стесняясь, уходили в соседнюю комнату и одевались, кое-кто из них даже осмеливался принять душ и смыть плод трудов

мастера. Она пошла в сторону свободной комнаты, держа в руках легкое летнее платье и туфли.

– Вы лучшая модель с самым удачным рисунком, – восторженно воскликнул он, когда она оказалась совсем близко.

– Спасибо, – попыталась холодно ответить она, но не сумела сдержать благодарную улыбку.

– Вы первый раз работаете? – поинтересовался он.

– Нет, я много раз уже была Жениной моделью.

– Странно, я впервые вас здесь вижу.

– А он мне рассказывал о вас, я сразу поняла, что вы и есть тот самый его друг.

– Тот самый?

– Ну, да, он обычно так напоминает мне о вас.

– Можно «ты», – вставил он.

– Почему ты не участвовал?

– Пока я зритель; обычно работаю в другом жанре, но после таких мероприятий каждый раз говорю себе, что нужно экспериментировать.

– Ты один здесь?

– Нет, – сконфуженно ответил он. – Со мной приятельница. Женич как раз сейчас с ней работает.

– Что ж, рада была познакомиться, – дружелюбно сказала она. – Это явно не последняя встреча.

– Очень на это надеюсь, – оживленно произнес он и проводил взглядом ее обнаженную спину.

Спустя некоторое время в квартире не осталось никого. Последние гости медленно собирались в надежде увидеть еще одну работу Женича, но и их поджидала инстинктив-

ная усталость, они разбрелись по своим уютным квартирам и спальням, кое-кто из них находил еще силы на ночной бар или недолгую прогулку по шумным проспектам. Он прилег на толстую подушку, испачканную засохшей краской, и погрузился в тягучее ожидание. Глаза закрывались, но он продолжал слышать приглушенную музыку, доносившуюся из длинных деревянных динамиков, шум от мокрых колес, рассекавших широкие лужи под окном. Он пытался рассеять сон, вспоминая, какой сегодня день недели, затем размышлял над тем, чем этот день отличается от других дней, выпадавших пятьдесят с лишним раз за год. И тут он услышал новый звук, похожий на шелест опавших листьев поздней осенью, как будто он оказался в парке на пустынной аллее и ветер судорожно дул ему в лицо.

– Спишь? – сонно спросил Женич. – Идем, посмотришь, что получилось.

– Да, – пересиливая себя, ответил он, открыл глаза и приподнялся на локоть.

Женич подождал, пока Илья окажется на ногах, и предложил поскорее идти.

– Сейчас нас всех свалит сон, и ты не увидишь шедевр, – пошутил Женич, видя его уставший вид.

Они зашли в комнату, и Илья резко вздрогнул, пораженный увиденным. Перед ним стояла Катя, та Катя, которую он никогда не знал прежде. Формы ее тела были статичны, почти неподвижны, цвет кожи стал значительно темнее, чем

в жизни. Губы и брови были подведены густым черным цветом, левое ухо украшала нарисованная серьга и коралловая раковина. В руке она держала то ли плод, то ли сосуд, часть которого была нарисована на левой груди. Ее бедра прикрывало нанесенное густой краской темно-красное парео с золотыми узорами. Она стояла у стены и всматривалась в окно, находящееся напротив двери в комнату.

– Это же Гоген, – почти прокричал Илья.

– Совершенно верно, таитянская Ева с его работы «Куда идешь?».

– Просто невероятно, – захлебываясь от удивления, сказал он. – Только живая.

– Живее всех живых, – улыбнулся Женич. – Ведь крутяк, правда?

– Еще какой! – восхищенно отозвался Илья.

Необычные краски, непривычный оттенок ее тела вызывали в нем тревожные ощущения. Крепкая жизненность наполняла ее чувственной страстью, тяжелый спелый плод был почти живым, казалось, что можно подойти и прикоснуться к нему, почуять экзотический запах.

Женич достал из сумки фотоаппарат, сделал несколько снимков и удовлетворенно сел на пол, потирая грубые ладони.

– Я собираюсь лечь спать, – по-деловому заявил Женич, любуясь своей картиной. – Ты заберешь ее или оставишь?

– Конечно, заберу, – выпалил Илья.

– Но она непригодна сейчас для ласк, – скептически произнес Женич и рассмеялся.

– Я буду на нее смотреть, мне этого достаточно.

– А меня даже никто и не спросит, что я думаю? – неожиданно включилась в разговор Катя.

– Не знаю, что и сказать, – растерялся Илья. – Пойдем домой, уже поздно.

– Не поздно, а рано, – поправил его Женич. – Половина седьмого.

– Самое время, чтобы плюхнуться в теплую постель, – Илья сменил тон и поднял с пола ее одежду.

– Я бы хотела сохранить в себе этот образ, – воодушевленно произнесла Катя.

– Думаю, это уже произошло, – многозначительно прошептал Женич и вышел из комнаты. В дверях он бросил небрежное «спокойной ночи» и пропал в одной из комнат мансарды.

III

– Я хочу, чтобы вы сделали именно так, – не унималась Маргарита.

– Не вижу в этом никакого смысла, – перебил ее Илья. – Зачем вам..?

– Мы, кажется, договорились избегать лишних вопросов, – оборвала его она.

– Хорошо, – взяв себя в руки, сказал он.

Она опоздала на полчаса, нервно поприветствовала его и прошла в мастерскую, как будто была ее хозяйкой. Все время, пока они готовились к работе, она молчала, ожидая, что Илья начнет спрашивать ее или предлагать свои идеи, но и он непринужденно молчал, доставая кисти и раскладывая краски у палитры.

Когда Маргарита разделась, он заметил, что без одежды она выглядит гораздо моложе своих лет. Подтянутая стройная фигура вполне могла принадлежать двадцатипятилетней девушке, в меру заботящейся о своем теле, знающей, что оно не должно потерять природную естественность. Она легла на раздвинутый стол и почувствовала его пристальный взгляд, похожий на взгляд животного, готовящегося совершить прыжок.

– А что, если действительно предложить ей такой вариант? – подумал он, обойдя ее сзади. – Все равно она

не просто так пришла ко мне, у нее явно есть планы, что дальше делать с этой работой.

– Вы готовы? – тихо спросил Илья.

– Да, можно начинать, – с уверенностью ответила Маргарита.

Он взял в руки две кисти и еще раз присмотрелся к ее обнаженному телу. Уже в тот момент, когда она стянула майку и трусики, стало понятно, что он не обращает внимания на ее разрез между ног, не пытается подойти ближе и дотронуться до ее твердых сосков, – она была всего лишь инструментом, и это злило ее. Она успела привыкнуть, что мужчины готовы были броситься на нее, когда она медленно освобождалась от нижнего белья, съедали глазами ее голое тело. А он просто изучал формы ног, линии плеч, асимметрию ее лица и скрытую невинность, о которой не подозревала даже она.

Уже через два часа он почувствовал полное опустошение. Краска была слишком густой, ложилась неравномерным слоем, да и разлом на светотень нарушал общую композицию. Он попросил Маргариту встать, повернуться, затем напрячь мышцы спины, чтобы проследить за изменением пропорций. Они сохранялись, несмотря на смещение поверхности.

– Давайте прервемся ненадолго, – предложил Илья.

– Хорошо, только я надеюсь, что мы закончим сегодня? – недоверчиво спросила она.

– Я тоже на это надеюсь, иначе завтра придется все заново начинать.

– Такого варианта у вас просто нет, – официальным

тоном предупредила его Маргарита.

– Не волнуйтесь, я постараюсь успеть, – уверил ее он.

Она подошла к окну, немного наклонилась вперед и положила руки на широкий подоконник.

– Вы давно тут живете? – прервав молчание, спросила она.

– С тех пор, как эта квартира досталась по наследству моему отцу. Это произошло еще до моего рождения.

– А где сейчас ваш отец? Вы живете один?

– Отец живет отдельно, – сухо сказал он, не желая вдаваться в подробности.

– Наверное, у вас часто бывают женщины в гостях? – предположила она.

– У меня в принципе часто бывают гости, среди них есть и женщины.

Маргарита взглянула на его отражение в окне.

– И вы рисуете их всех?

– Иногда я их рисую, иногда они меня.

– И быстро они избавляются от одежды, если вы их попросите?

– Честно говоря, мы занимаемся искусством и не устраиваем здесь оргии, – раздраженно заметил он.

– Что вы, я ничего подобного, нет, – оправдывалась она. – Но рисунок на теле предполагает, что оно будет голым, разве не так? – невинно улыбнувшись, спросила Маргарита, устремив на него широко раскрытые глаза.

– Я впервые занимаюсь боди-артом, – нехотя

признался Илья. – Вы новый опыт для меня.

– Наверное, это почти то же самое, что быть первой женщиной у мужчины? – без смущения спросила она.

– Возможно, – односложно ответил он. – Надеюсь, этот опыт будет одинаково приятен и полезен для нас обоих.

– Я и не сомневаюсь, – хитро улыбнулась она и снова посмотрела вдаль.

– Вы будете кофе?

– Пожалуй.

– Тогда я отойду на несколько минут. И прошу вас, не двигайтесь много, краска пока еще не впиталась в кожу, – настойчиво попросил он.

– Я замру и буду ждать свою чашку кофе, – пообещала она.

Илья вышел на кухню и вдохнул полной грудью свежий прохладный воздух, проникавший через открытое окно. – Может, предложить ей купить работу? Хотя нет, она вряд ли согласится, – рассуждал про себя он. – Да и потом, я до сих пор не знаю, зачем ей нужен этот рисунок на теле. Скорее всего, она покажет его кому-то или найдет другое применение. – Он заварил кофе и еще раз вспомнил об их общем знакомом, который посоветовал ей обратиться к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.